

День после смерти

В жизни он из себя ничего не представлял. Служил. Получал жалованье, однажды даже женился. Сам себе был безразличен. Нестерпимо жгло одно, что будет после?

Далеко заглядывать не отваживался. Первое утро, день, вечер после смерти... Какие они? Его интересовало поведение людей, с которыми он контактировал при жизни. Как они отнесутся к его смерти? Как будут продолжать жить, когда его уже не будет с ними? Скорее всего, так бы и помер, ничего не узнав о собственной кончине. Но дуракам везет, повезло и ему. Попался ни за что ни про что. Пришли с понятиями и забрали. Не били. Допрашивали крепко — треть суток на это ушло. Дело завели. Все это его мало трогало, разве что жизнь стала разнообразнее. Кто-то искренне радовался происходящему с ним, кто-то также огорчился. Так он и дожил до дня суда.

На суд добирался с одним из адвокатов — сам в жизни за рулем не сидел, как и за удочкой, за книгой, за гитарой... Все сидели или сидят, а ему не довелось. Ехал, по сторонам глядел. Адвокат учил уму-разуму, что, как и где говорить следует. Вдруг в голове, в руках, в ногах, главное, в животе что-то произошло не то. Он остро почувствовал, что его уже в жизни нет и не будет никогда. Странное такое чувство, щекотливое очень.

Вход в здание суда обликом смахивал на городской morg. Толпились родственники, знакомые, и просто люди от любопытства терлись. Станным выглядело отсутствие цветов в их руках. Пришли вроде все, кого он тут видеть желал, но с абсолютно пустыми руками. Это неприятно настораживало. Ко всем на похороны цветы, венки несут, а ему все дружно в этом отказали.

В судебном зале, как и положено, господствовал траур. Царил везде: на полу, на лицах, на скамьях, особенно на столах. В общем, мебель не подвела, не подкачала. Если не на гробы, то на крышки от них походила на все сто. Два не в меру упитанных пристава торжественно указывали всем на свои места. Он прикинул, что с близкими ему не по чину сидеть и пристроился к адвокатам. Но, как оказалось, для его тела другое место предназначено. Приставы под руки подхватили, усадили на законное место. При этом проинструктировали, когда вставать положено, что отвечать следует по ритуалу.

Сидя, он увидел перед собой два ряда певчих. Один хор состоял из хмурых обвинителей, другой из адвокатов. За спиной шушукались знакомые и родственники. О чем шла речь, разобрать было невозможно, мешал шум машин из открытых настежь окон. Ну вот, вековое и сбылось. На собственные похороны при уме и памяти попал. Дальше еще лучше, пошло-поехало и крепко покатило.

— **Встать**, суд идет!

Судья оказалась симпатичной молодой женщиной с узкой полоской губ, в мантии. Все встали, и ему велели

подняться. Судья многозначительно исполнила свое соло. Затем перстом указала на хор обвинителей, и те в ритме марша торжественно заголосили. Он был почти счастлив, святость момента потрясла. Об одном жалел, рассказать никому не придется. За хором обвинителей вступил в свои права хор адвокатов. Эти пели еще слаще и проникновеннее. После песнопений судья представила слово ему. В жизни слова ему не давали, в президиумы не звали. А тут повезло, так повезло, после смерти дали возможность на публике поговорить и при этом еще и себя заслушать. Беда, что сказать особенно нечего. Виноват, да. Виноват во всем, что родился, виноват, что жил не так, виноват, может даже, что и помер, виноват. Слушали все внимательно, с почтением. Немного обидело, что прервали слишком рано и резко.

— **Встать**, суд удаляется на совещание!

Долго совещались, на каком кладбище его хоронить. Так долго, что он успел проголодаться и даже в туалет по малой нужде сбежать, чем несказанно приставов удивил. Курить не позволили — покойникам курить возбраняется. Родственники его утешали, что все мы, мол, смертны, у каждого свой черед. Ему их слова по ушам не били, он свое удовольствие получил сполна и даже больше. Жаль, поведать об этом было не совсем удобно. Так все в покойники запросятся, что несправедливо — жить-то кому-то надо.

Под конец анекдотами забавлялись, помирать, как говорится, так с музыкой. Даже он успел один вернуть. Кругом вода, а посередине закон. Что это такое? Живые не догадались, а он им подсказал, что это судья в море слов купается. Ха-ха.

— **Встать**, суд идет!

Огласили приговор, зал дружно захлопал. Он, правда, так и не разобрал, к какому кладбищу его приписали, но раз хлопают, значит, местом не обойдут, дадут, что надо. Стали подсовывать всякие бумаги, где он обязан был расписаться, что не возражает. Он не возражал. Судья по лицам знакомых и родственников, с новым адресом ему подфартило. Вышел из зала суда, на небе ни тучки, солнышко сияет. Птички щебечут. Люди интересоваться им перестали, все между собой судачили.

Он с удовольствием закурил долгожданную сигарету и стал тихо своей смерти радоваться. После второй затяжки даже петь захотелось, но перетерпел. Потом его к себе позвал адвокат и повез в следственный отдел на допрос. Оказывается, что после смерти полагается покойников допрашивать. Родственники со знакомыми к этому времени всей гурьбой отправились на его поминки.

В кабинете следователя было темно и прохладно, как в могиле. Вопрос озадачил, если бы он не был покойником, можно сказать, убил. Поинтересовались, был ли он при жизни за границей или не был? По их оперативным данным — был, а по бумагам — не был. Что тут ответить? Скажешь «был», хоронить откажутся. И куда

тогда прикажете тело пристраивать? Если ответить, что «не был», похоронят тут. А вдруг он потеряет возможность лежать за бугром. Места там на кладбищах ладные, аккуратные, с тропинками между могил. Глянул на адвоката, тот в рот воды набрал. Пришлось выкручиваться, что то, что было при жизни, после смерти из памяти начисто выветрилось. По окончании допроса опять пришлось кучу бумаг подписывать. Что там было наворочено, прочитать уже не смог, глаза слипались, то ли от усталости, то ли уже так по статусу положено.

— **Ладно**, идите.

Усадил его адвокат в свой катафалк, всучил бумагу для предъявления на кладбище и повез в последний путь. Город жил своей обычной жизнью. Какое ему дело до того, что одному из бывших жильцов повезло на собственных похоронах побывать! Еще и не такое случается. Справку о смерти на кладбище со всех сторон осмотрели, на подлинность проверили, подкопали к другим справкам и предложили следовать к месту пребывания. Короче, на вечность короновали. Он еще раз расписался, что не возражает, и отправился к собственной могиле.

Долго плутал между памятников, а ямы под себя и не обнаружил. Украл яму. Вспомнил, что давно есть сильно хочется, зашел в первую попавшую столовую, так, кроме курицы с вермишелью, ничего не было. При жизни он курей не жаловал, после смерти, она ему показалась даже ничего.

Дальше куда следовать? Покойников знакомых у него еще не было. Возвращаться к живым как-то не с руки. Не по-людски получается, похоронили, можно сказать нормально, не обидели, удовлетворили по полной. И что? Всё что ли? Где прикажете девяти дней дожидаться?

Дело к ночи, темно, жутко и одиноко. День закончился, о втором он и не мечтал. Выпить смерть как захотелось. При жизни не пил, а тут потянуло. Живым водку до одиннадцати продают, до остальных дела никому нет. Если бы позволили остаканиться, он бы последнее слово... Такое, такое завернул... А какое оно, последнее слово? Первое — «мама», а последнее лучше не произносить совсем — с ним на тот свет не пускают.

На девять дней не пригласили, поели, попили и спать легли.

Где он? А вы где?